

**ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ КОСМИЧЕСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ
В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ***

Татьяна Хоруженко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE FORCED HAPPINESS OF SPACE COLONISATION:
THE SOVIET PROJECT IN SCIENCE FICTION**

Tatiana Khoruzhenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Connected with ideas of innovation, Soviet science fiction explored the topic of space and contacts with extra-terrestrials. Starting in the 1960s, this literature was concerned with the idea of earthlings helping other civilizations to achieve a new level of life. Soviet science fiction thus put forward the idea of forced happiness, which fitted very well with the utopian foundations of Soviet culture. This article focuses on *I Will Be Back in a Thousand Years* (1969), a once-popular but little-studied novel by Isai Davydov, a Ural writer. The idea of forced happiness is verified two times in the novel: through the construction of an ideal society of young people on Earth and the functioning of a similar society on another planet, and through an attempt to contact savages. In the end, it transpires that building an ideal society is troublesome and that the savages do not need any help from earthlings. Davydov's novel is studied in the context of Soviet science fiction novels about contacts with other civilizations, from *Aelita* by A. Tolstoy to the 'progressor' cycle by the Strugatsky brothers. The utopian character of 'progressorism' in the works of the Strugatsky brothers is extolled and logically completed in the sequel of Davydov's novel (2013), where progressors manage to 'civilise' savages. The author concludes that the idea of progressorism is important for Soviet science fiction beyond the works of the Strugatsky brothers, although

* *Citation*: Khoruzhenko, T. (2019). The Forced Happiness of Space Colonisation: The Soviet Project in Science Fiction. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406.

Цитирование: Khoruzhenko T. The Forced Happiness of Space Colonisation: The Soviet Project in Science Fiction // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406 / Хоруженко Т. Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406.

it is most frequently considered in the context of their oeuvre. In Davydov's novel, the characters regard themselves as gods for the savages, but, unlike the characters of the Strugatsky brothers, they do not consider this mission a burden. This is one of the distinctive features of Soviet science fiction: 'average' characters become equal to gods and struggle with time itself in order to secure a happy future for the entire galaxy.

Keywords: Soviet science fiction; Isai Davydov; Alexei Tolstoy; Strugatsky brothers; forced happiness models; experiment with history.

Советская научная фантастика, будучи связана с идеями обновления, затрагивала тему космоса и контакта землян с иными цивилизациями. К 1960-м гг. в ней зародилась идея о помощи землян иным цивилизациям в достижении нового уровня жизни. В советской фантастике формируется модель принудительного счастья, которая хорошо вписывается в утопические векторы советской культуры. Внимание исследователя обращено на популярный в свое время, но малоизученный роман уральского писателя Исаи Давыдова «Я вернусь через 1000 лет» (1969) как авторское проектирование способов осчастливить человека. Идея «принудительного счастья» проверяется в романе дважды: через построение идеального общества молодых людей на Земле и функционирование подобного общества на другой планете, а также через попытку контакта с дикарями. В итоге выясняется, что идеальное общество построить сложно, а дикари не нуждаются в дополнительной помощи со стороны землян. Роман Исаи Давыдова рассматривается в контексте советских научно-фантастических романов, повествующих о контактах землян с иными цивилизациями, начиная с «Аэлиты» А. Толстого и заканчивая «прогрессорским» циклом А. и Б. Стругацких. Утопизм идеи прогрессорства, развенчиваемый в романах и повестях Стругацких, у Исаи Давыдова восхваляется и доводится до логического завершения в продолжении романа (2013), где автор показывает, как дикари оказываются успешно цивилизованными. Автор статьи приходит к выводу, что идея прогрессорства важна для советской фантастики в целом, а не только для творчества Стругацких, в контексте которого она чаще всего рассматривается. В романе Давыдова герои ощущают себя в статусе богов для дикарей, но не тягостятся этим, в отличие от героев Стругацких. В этом кроется одна из особенностей советского научно-фантастического романа: «обычные» герои становятся равны богам и вступают в борьбу с самим временем, чтобы организовать всей Галактике светлое будущее.

Ключевые слова: советская научная фантастика; Исай Давыдов; Алексей Толстой; братья Стругацкие; модели принудительного счастья; эксперимент над историей.

Научная фантастика – один из самых популярных литературных жанров XX в. В 1960–1970-е гг. в СССР научная фантастика, по сути, заменила собой все остальные фантастические жанры. Популярности научной фантастики не мешало даже то, что издательства чаще

всего относили ее к детско-юношескому чтению. В рамках этой развлекательной литературы, тем не менее, ставились достаточно серьезные философские проблемы (отношения с Другими, возможность запланированного счастья, колонизация и т. д.). Между тем, на сегодняшний день от былой популярности научной фантастики не осталось и следа, а самыми востребованными российскими авторами из сотен писавших остались братья Стругацкие с их специфической философией.

Однако при анализе массовой литературы часто бывает продуктивным обращаться не к вершинным произведениям, всегда выбывающим из литературного ряда, а к тем, что относятся к срединному слою. Именно в этих романах и повестях происходит обнажение как приемов создания жанровых произведений, так и идеологических посылок, лежащих в основе произведений.

Предмет изучения в данной статье – роман уральского писателя Исаи Давыдова (Давида Исааковича Шейнберга) «Я вернусь через 1000 лет» (1969). Книга для своего времени стала бестселлером¹.

Согласно фабуле романа, группа молодых землян отправляется на далекую планету, чтобы помочь аборигенам перейти на новый уровень развития: перешагнуть из каменного века в XXIII, избежав при этом войн, эпидемий и т. д. Тема межпланетных сообщений к моменту публикации романа была не нова. Однако интересна проблематика, поднятая в этом романе: автор исследует возможность спроектировать счастье для людей (как для землян, так и для аборигенов).

Как уже говорилось, период «оттепели» характеризуется небывалым всплеском интереса к научной фантастике. При этом происходит ее качественное изменение: авторы обращаются к ранее не известному материалу. Как отмечает А. Ф. Бритиков, в 1960-е гг. по страницам советской фантастики «промаршировали» десятки космических пришельцев [Бритиков, с. 272]. Истории о межпланетных путешествиях позволяли авторам поднимать новые проблемы (отношения со временем, с историей, с Другими) и в то же время давали возможность избежать идеологического гнета.

Практически с момента своего появления на русской почве фантастика взяла на себя функцию прогнозирования будущего, выполняя роль, свойственную пропаганде, публицистике, политике и утопии [Кукулин; Бреева; Фокин; Геллер].

1. Исай Давыдов.
Фото 1960-х гг.

Isai Davydov.
Photograph. 1960s

¹ Первое издание вышло в 1969 г. в Средне-Уральском книжном издательстве тиражом 15 тыс. экз., второе – там же в 1974 г. тиражом 100 тыс. экз.

Существенно различаются взгляды на будущее в советской и зарубежной фантастике. Уже один из первых текстов социальной научной фантастики – «Война миров» Г. Уэллса – это антиутопия. В дальнейшем антиутопический пафос в зарубежной фантастике будет крепнуть.

Наиболее показательное сопоставление советских авторов со С. Лемом, первые переводы которого появляются в 1955 г. Как отмечает К. В. Душенко, «в 1960–1970-е гг. Станислав Лем был одним из наиболее часто переводимых в СССР современных писателей – как по количеству публикаций, так и по их тиражу. Одновременно он выступал в качестве авторитетного философа, а лучше сказать – универсального мыслителя. Круг изданий, в которых он публиковался, был необычайно широк – от “Крокодила” и “Пионера” до “Вопросов философии”»; в этом отношении Лем представлял собой явление уникальное» [Душенко]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что тексты Лема чаще представляют собой антиутопии, нежели утопии. Даже жизнерадостные «Звездные дневники Ийона Тихого» (переведены в 1961 г.) представляют собой не столько историю о героическом покорении человеком космоса, сколько пародию на все штампы научной фантастики, повествующей об этом. В пафосе иронического снижения, порой доходящего до антиутопизма, кроется главное различие между зарубежным взглядом на будущее и советским.

Утопизмом была проникнута вся советская культура. А начиная с 1930-х гг. был взят курс на постепенное осуществление фантастических чаяний. Как пишет К. Богданов: «Пропагандистское сближение мифа и реализма, сказки и действительности, фантазии и “научного прогноза” приводит к вытеснению собственно фантастического жанра из советской литературы» [Богданов, с. 100]. С 1930-х гг. научная фантастика существовала только в качестве «фантастики ближнего прицела», которую «питали почти исключительно техника, география и отчасти биология» [Бритиков, с. 272]. В этой фантастике основное место отводилось научно-индустриальному прогрессу, соответственно, герой превращался в рассказчика о достижениях науки и техники. И не важно, происходит действие на Земле или на Венере, как в романе В. Владко «Аргонавты Вселенной» (1939). Советская фантастика 1960-х гг. освобождается от сковывавших ее рамок, внимание писателей смещается с описания научных достижений на воспроизведение человеческих взаимоотношений.

Трансформация начинается с романа И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), где были показаны идеальные люди далекого будущего: «В одной книге Ефремов нарушил сразу все запреты: запрет на постановку серьезных вопросов и на социальную критику, на возвращение к прошлому и на взгляд в будущее, на экстраполяцию в науку и на выход в космическое пространство» [Геллер, с. 100]. Новый этап в развитии научной фантастики не случайно совпал с периодом «оттепели». Герои фантастических романов, по замечанию Л. Гелле-

ра, чрезвычайно похожи на молодых людей исповедальной прозы [Там же, с. 213], а темы, затронутые в произведениях, ставят философские и социальные, а не технические проблемы.

Перенос интереса с техники на человека позволяет снова обратиться к утопизму фантастики, а точнее – к идее о возможности построения счастливого коммунистического общества. Почти все писатели-фантасты испытывают на прочность идею будущего идеального общества: например, братья Стругацкие полагают, что человеческие взаимоотношения не изменятся и останутся далеко не всегда гармоничными (цикл «Полдень. XXII век» тому подтверждение), а персонаж романа С. Снегов («Люди как боги») считает, что конфликтов среди людей практически не будет. В то же время все фантасты не сомневаются в том, что коммунистическое общество будет построено. Как отмечает В. В. Комиссаров, советская фантастика подменила собой «забронзовевшую» идеологию [Комиссаров, с. 298].

С идеей построения идеального общества связана и тема прогрессорства в романах Стругацких. Прогрессор – землянин-коммунист, работающий под прикрытием на другой планете и направляющий ее цивилизацию в нужное русло (к коммунизму). Впервые идея вмешательства землян в историю была сформулирована в повести «Попытка к бегству» (1962), а уже в полной мере идея экспериментальной истории была представлена в романе «Трудно быть богом» (1964).

О романе Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» написано достаточно много. Для сегодняшних размышлений важен факт, что в произведении задан новый вектор развития советской фантастики: совмещение различных эпох и появление своеобразного историзма. «Фантастический историзм обращен и в прошлое, и в будущее. И дело не только в широте охвата эпох, а прежде всего в эмоциональном ощущении исторического пространства, дистанций между этапами человечества» [Бритиков, с. 302]. Образ прогрессора наглядно иллюстрирует эту дистанцию. В научно-фантастических текстах прогрессор оказывается в промежуточном положении «медиатора»: с одной стороны, это землянин-коммунист, с другой – это член того общества, которое он пытается исправить. Важно отметить, что все прогрессоры полагают, что так или иначе выполняют важную работу, способствующую всеобщему счастью. Т. Н. Бреева убедительно доказывает, что прогрессорство «позволяет сакцентировать историческую и антропологическую несостоятельность утопического дискурса... Историческая несостоятельность утопического дискурса раскрывается Стругацкими через оппозицию “старшая – младшая цивилизация”, антропологическая несостоятельность – посредством оппозиции “своя – чужая цивилизация”, оформляющейся в конспирологический сюжет» [Бреева, с. 229–230]. Как подчеркивает Е. Козьмина: «...перед нами две грани одного испытания – испытание человека позицией Бога и испытание идеи невмешательства в исторический процесс» [Козьмина, с. 210].

Обложка первого издания романа А. Н. Толстого «Аэлита». 1923

Cover of the first edition of A. N. Tolstoy's *Aelita*. 1923

В связи с прогрессорством, на мой взгляд, возникает несколько важных тем – мессианство интеллигента, колонизация «отстающих» и тема принудительности счастья. Все обозначенные темы в советской научной фантастике укладываются в характерный для нее утопический дискурс.

Истории о контактах землян с обитателями других планет были и до Стругацких. По сути, российская и советская научная фантастика началась с романа о космическом полете на Марс. Первый раз на Марс полетел герой П. Инфантьева из романа «На другой планете» (1901). Однако этот первый космический путешественник не ставил своей целью осваивать чужую планету. Решение о вмешательстве в жизнь инопланетян впервые принимает Гусев, герой «Аэлиты» А. Толстого (1923). Однако взгляды на обитателей других планет у фантастов 1920–1930-х и 1960–1970-х гг. различны.

В «Аэлите» герои не ставят целью осчастливить марсиан. Более того, марсиане – потомки атлантов, более высокоразвитой цивилизации. Участие в восстании марсиан Гусева и Лося – проявление их человеческой сознательности, обостренного классового чутья. Гусев говорит, что не может видеть несправедливость:

Неправильно все на свете. Неправильная эта планета, будь она проклята! «Спаси, говорят, спаси нас...» Цепляются... «Нам, говорят, хоть бы как-нибудь да пожить...» Пожить!.. Что я могу?.. Вот кровь свою пролил. Задавили. Мстислав Сергеевич, ну ведь сукин же я сын – не могу я этого видеть... Зубами мучителей разорву... [Толстой, с. 145].

Но изначальной цели цивилизовать марсиан у землян нет. Их цель – попробовать добраться до Марса. Именно об этом говорит землянам в прощальном монологе Лось:

Я думаю, что удачно опущусь на Марсе. Я уверен – пройдет немного лет, и сотни воздушных кораблей будут бороздить звездное пространство. Вечно, вечно нас толкает дух искания... [Толстой, с. 44].

А революционер Гусев добавляет:

Товарищи, я передам энтим на Марсе пламенный привет от Советской республики. Уполномочиваете? [Там же].

Таким образом, полет оказывается своего рода революционной авантюрой, а на Марсе землян встречает более высокая, но вырождающаяся цивилизация. Е. Н. Ковтун, однако, подчеркивает, что к «Аэлите» «восходит большинство восточноевропейских социально-фантастических романов 1960–1980-х гг., повествующих о проблемах контакта с обитателями других планет... о последствиях вмешательства в естественный ход развития цивилизаций... о психологических аспектах поведения человека в космосе» [Ковтун, с. 93].

Отметим, что колонизаторская проблематика органично входит в научную фантастику потому, что период формирования этого жанра совпал с колониальной экспансией стран Европы. Джон Ридер в книге «Колониализм и становление научной фантастики» (2008) утверждает, что научная фантастика раскрывает то, что навязывает колониализм [Rieder, p. 15]. При этом путешествие к дикарям рассматривается как путешествие в прошлое европейского мира. Идея колониализма, совмещенная с упрощенной идеей мессианства (интеллигент несет свет цивилизации дикарям), одна из основных в советской фантастике послевоенного периода.

Идея ответственности землян за обитателей другой планеты отчетливо возникает в научной фантастике уже в 1950-е гг. Так, в повести В. Сапарина «Небесная кулу» (1958) коммунисты встречаются с первобытными людьми с Венеры. Земляне-ученые отправляются на Венеру, где сталкиваются с первобытным племенем. Аборигены нападают на пришельцев, но, несмотря на неласковый прием, земляне решают помочь обитателям Венеры.

Мы, люди Земли... находимся в положении богов, от разума и воли которых отныне зависит судьба жителей Венеры. Не знаю, есть ли у них мифология? Но мы больше, чем их боги. Более всемогущи. От нас зависит оказать правильное влияние на развитие людей Венеры и сделать его столь ускоренным, как это только возможно. И на какой-то ступени, когда будет уже существовать длительный контакт и удастся дать населению Венеры какое-то представление о Земле, мы пригласим людей Венеры посетить нашу планету [Сапарин, с. 94].

Земляне готовы моментально вмешаться в развитие иного народа, чтобы привести его к счастью. Вмешательство трактуется как благо, поскольку таким образом символически исправляются ошибки земной истории.

В основе сюжета романа Исаия Давыдова – путешествие землян на планету Рита с целью помочь диким аборигенам перейти на новый уровень развития:

...коммунистическое общество Земли поступило бы негуманно по отношению к далеким своим братьям, если бы оставило их на десятки тысячелетий в темноте и невежестве, обрекло бы тем самым на повторение

всех тех бесчисленных кровавых ошибок, которые совершило за свою историю земное человечество... Большинство человечества все-таки высказалось за помощь диким жителям Риты [Давыдов, 1970, с. 94–97].

Роман «Я вернусь через 1000 лет» – это история о прогрессорах. У Стругацких герои имели дело с людьми Средневековья, Исай Давыдов отправляет своих героев гораздо дальше в прошлое – к людям каменного века. Именно эта ситуация – перенос землян-коммунистов в дикую природу – позволяет автору показать и проверить модели принудительного счастья. На Земле пытаются создать идеальное общество самых достойных, которые и отправятся на Риту. Но постепенно выясняется, что люди остаются людьми и им не удается избежать ревности, предательства и ошибок. Таким образом, проект счастливого общества проверяется дважды: в отношениях землян друг с другом и в отношении аборигенов. Отметим, что идея насильственной цивилизации в романе И. Давыдова звучит достаточно амбивалентно.

Начнем с отношений землян друг с другом: главные герои романа – молодые люди, отправившиеся на другую планету. Их тренировали для жизни на Рите в специальном лагере «Малахит». При этом уже при отборе в лагерь перед ними ставили условие: человеческие романтические чувства должны быть исключены для будущих покорителей Риты. Главный герой находит оправдание подобной жестокости:

Но я понимаю, что жестокость эта – вынужденная. Жесток сам опыт. Жестокими будут условия там, на далекой чужой планете... И поэтому на Риту берут нас, мальчишек и девчонок. Мы еще способны по молодости вынести эту жестокость опыта [Там же, с. 22].

Найти себе новую любовь герои должны в тренировочном лагере, потому что только молодоженов берут на планету:

На корабль возьмут только женатых. Исключений не делают, потому что на Рите такие исключения могут обернуться личными трагедиями. А там их и так не избежать. И поэтому здесь, на Земле, с самого начала заботятся о том, чтобы трагедий было как можно меньше [Там же, с. 21].

Повествование ведется от первого лица. Главный герой Сандро Тарасов в конце концов находит себе жену, с которой и отправляется в путешествие. Однако и у Тарасова есть тайна: он не сообщает о том, что его одноклассник Женька Верхов, тоже отобранный для полета, склонен к предательству и жаждет власти («...если бы я сказал на Земле (о недостатках Верховова. – Т. Х.), мы остались бы оба. А я хотел полететь» [Там же, с. 253]). В итоге Верхов сыграет далеко не положительную роль в общине землян. Так, под его давлением земляне принимают закон, запрещающий им убивать туземцев, виновный карается изгнанием. Убивший туземца землянин должен отправиться в другое племя и там «стать богом», то есть заняться его развитием.

В итоге Женька не защитит жену одного из землян, и это ведет к своего рода катастрофе – обнажает несовершенство созданной на Земле модели общества. Противостояние Сандро и Верхова раскрывает невозможность сверхрационального построения идеального общества: люди остаются людьми всегда. Возникают проблемы и с идеальным подбором пар: кто-то гибнет от рук аборигенов, кто-то разочаровывается в своем спутнике (жена Верхова от него уходит).

Что касается попытки осчастливить туземцев, то эта идея также не реализуется героями романа. Аборигены не хотят принимать от них помощь, а земляне заняты обустройством своего существования, что также не способствует установлению контактов с племенем.

В книге И. Давыдова отчетливо звучат темы, характерные для колониального и постколониального романов². Как отмечает А. Эткин, «колонизация всегда состоит из двух компонентов, культурного и политического... Когда мы говорим о процессе колонизации, мы видим, как культурная гегемония и политическое доминирование работают вместе – в некоем союзе, соотношении или противостоянии» [Эткин, с. 17]. Оба эти принципа раскрываются в поведении землян на Рите: они хотят принести дикарям культуру, но и управление ими также становится задачей пришельцев. В итоге отношения туземцев и «белых людей» оказываются непростыми. Земляне не могут наказывать туземцев за убийство своих товарищей, поскольку считают их неразумными, аборигены, в свою очередь, видят в пришельцах врагов и целенаправленно истребляют их женщин. Доходит до того, что земляне вынуждены постоянно защищаться.

Все-таки это нелепо! Защищаться от тех, ради кого мы прилетели.

Кого мы собираемся спасать от голода и болезней, от войн и невежества.

Мы будем спасать, а пока убивают нас, –

размышляет главный герой [Давыдов, 1970, с. 110]. Этот конфликт разных этических парадигм звучит в романе 1969 г. достаточно трагично: в финале погибают жена и нерожденный ребенок главного героя, а сам он отправляется искать «свое» племя, чтобы стать там «богом».

Отметим, что герои повествования все же нащупывают возможность изменения отношения племен к ним, пытаются привести их к культуре через труд: «Культурнее труд – больше пищи. Культурнее быт – больше сил для работы» [Там же, с. 164]. Цивилизация дикого племени начинается с пластиковой посуды.

² Подробнее о колониализме и его отражении в литературе см.: [Fieldhouse; The Cambridge companion to postcolonial travel writing; Buettner]. Российский опыт колонизации отражен в монографии А. Эткина «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» [Эткин]. Отличительной чертой западных романов является то, что их действие происходит в «другом мире» – в колонии, в то же время российский роман не покидает пределов страны-колонизатора. Важно также отметить, что сам опыт колониализма часто осмысливается в рамках утопического или дистопического дискурса [Sargent]. Эта же дихотомия утопии и дистопии характерна и для советского научно-фантастического романа о покорении космоса.

Обложка первого издания романа И. Давыдова «Я вернусь через 1000 лет» (1969) // Библиотека Объединенного музея писателей Урала

Cover of the first edition of I. Davydov's *I Will Be Back in a Thousand Years* (1969) // Library of the United Museum of Ural Writers

Взаимоотношения колонизаторов и аборигенов в советской фантастике практически не проблематизировались до романа И. Давыдова. Братья Стругацкие осмыслили не столько принудительную цивилизацию отстающего общества, сколько невозможность вмешаться в исторический процесс. У Давыдова вопрос ставится иначе: нужна ли аборигенам чужая культура? И роман 1969 г. дает на этот вопрос неутешительный ответ.

Продолжение романа, написанное Исаем Давыдовым уже в новом тысячелетии, отчасти опровергает проблематику первой части. В 2013 г. вышли две его книги, а в 2014 г. автор получил премию «Аэлита» за свой цикл. В продолжении романа «Я вернусь через 1000 лет» рассказывается о взаимоотношениях Сандро с его племенем и с товарищами по лагерю. В финале цикла автор приходит к выводу, что все же возможно перескочить через несколько ступеней исто-

рии и за пару поколений привести людей каменного века к высокой цивилизации, а проблема взаимоотношений «колонизатор – абориген» полностью исчезает. Главный герой осматривает город-порт, построенный на месте стоянки дикого племени купов:

За время моего отсутствия (героя не было два века. – Т. Х.) дельта Аки превратилась в немалый город. Морская набережная протянулась от порта, от круглой бухты Блюдце, до южного протока Аки – километров на двадцать с лишним. Да еще двенадцать речных набережных пересекали город поперек, вдоль шести протоков. Все набережные чистенькие, гладенькие, забетонированные, с зелеными скверами, беседками, фонтанами, скамейками, затейливыми фонарями, уютными маленькими кафе-автоматами [Давыдов, 2013, с. 201].

Таким образом, Исай Давыдов развил до предела логику, характерную для советской научной фантастики: в его мире эксперимент над историей оказался успешным, и в этом видится некая полемика с романами и повестями Стругацких. Так, в повести А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству» молодые земляне, попавшие в общество позднего Средневековья, где царит террор, рассуждают:

Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм³. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, ученые, артисты... Хотите, как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии – тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придется поработать, лет пять потребуется... [Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н., с. 377].

Мечты юношей-коммунистов обрывает человек XX в. Саул:

Вы понимаете, что вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству [Там же].

В данной повести Саул выступает героем-резонером, он, как и сами Стругацкие, далек от оптимизма. Как пишет Л. Геллер, в творчестве Стругацких впервые ставится проблема вмешательства в исторический процесс. «Ответ Стругацких однозначен: менять историю извне значит ломать хребет человечеству» [Геллер, с. 268]. С этой проблемой, поставленной авторами, связан и вопрос о том, «может ли общество в своем развитии миновать этапы, перескакивать в будущее, не закончив своих дел в настоящем» [Там же, с. 269]. По мнению Стругацких, подобный переход невозможен, наоборот, «они утверждают для общества необходимость органического развития» [Там же]. Легко заметить, что высказанные положения прямо противоречат точке зрения Давыдова. В интервью О. Славниковой писатель признавался, что роман «Трудно быть богом» подтолкнул его к написанию собственного произведения: «Именно этот роман и послужил для меня толчком. У Стругацких главный герой, Румата, пошел в конце концов рубить эти дикие головы. Но он не имел права этого делать! Книга “Я вернусь через 1000 лет” создавалась как протест против такого способа решения проблем...» [Славникова]. Для автора кажется возможным изменение судьбы племени силами землян. Примечательно, что в продолжении романа, написанном уже в XXI в., автор не изменяет свою точку зрения, а лишь доводит ее до логического завершения: племена двух материков пришли к высокой цивилизации. Теперь потомки этих недавно диких племен просвещают оставшихся дикарей планеты.

³ Отметим, что ленинская идея о возможности привести отсталые народы к коммунизму, минуя стадию капитализма [Ленин, с. 246], впервые подверглась сомнению именно в научной фантастике (жанре, достаточно лояльном к советской идеологии).

В романе И. Давыдова лейтмотивом звучит мысль, что для полета на Риту отбирали лучших, но все же обычных людей. На этом сочетании личных качеств строятся почти все истории о прогрессорах. Е. Н. Ковтун уточняет, что для научной («рациональной», по терминологии автора) фантастики характерны три типа героя: «обыкновенного человека», на котором «обкатываются» необычные гипотезы... «сверхчеловека», активно изменяющего мир вокруг себя, и «ученого», сочетающего черты первых двух типов – внешнюю обыденность при мощи интеллекта, нередко сочетающуюся с душой романтика» [Ковтун, с. 106]. При этом любой тип героя – это прежде всего «рационалистическая личность, позитивист, прагматик по мировоззрению и жизненным принципам, стремящийся познать неизведанное, понять непонятое, неколебимо верящий в мощь разума и благотворность прогресса, трактуемого широко – как высшая целесообразность устройства вселенной» [Там же].

В определенной мере в идее прогрессорства этот тезис о благотворности прогресса доведен до своего логического предела: герои примеряют на себя роли богов. По сути, они борются даже не с оставшими цивилизациями, а с самим временем. Именно это, по наблюдению Елены Гомель, является главным делом героев советской фантастики [Gomel, p. 373].

Тип прогрессора оказался чрезвычайно востребован отечественной культурой. И И. Кукулин, и М. Липовецкий приходят к выводу, что можно говорить о колоссальном влиянии этой модели на сегодняшнее общество: «прогрессор никуда не исчезал, давно превратившись в других областях культуры из литературного персонажа в доминантную модель самосознания позднесоветской и постсоветской интеллигенции» [Липовецкий]. И если Стругацкие в конце концов в идее насильственного счастья, несомого землянином-коммунистом людям, разочаровались, то их коллеги по перу продолжали (или продолжают, как показывает пример И. Давыдова) верить в возможность подобного сценария. За всей деятельностью землян, таким образом, стоит идея того, что они приносят счастье, а также культуру, защиту и знания другим цивилизациям. Однако этот глобальный опыт далеко не всегда оказывается безболезненным, что и доказывает роман уральского писателя.

Список литературы

Богданов К. А. Vox populi : Фольклорные жанры советской культуры. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 368 с.

Бреева Т. Н. Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир Полудня» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 226–235.

Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман / отв. ред. Е. П. Брандис. Л. : Наука, 1970. 447 с.

Геллер Л. Вселенная за пределами догмы : Размышления о советской фантастике. L. : Overseas Publ. Interchange Ltd, 1985. 444 с.

Давыдов И. Я вернусь через 1000 лет. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1973. 256 с.

Давыдов И. Я вернусь через 1000 лет. Кн. 3. Екатеринбург : Аэлига, 2013. 203 с. // ЛитРес : [сайт]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7267497 (дата обращения: 07.09.2018).

Душенко К. В. Переводы произведений Станислава Лема на русский язык (1955–1986) // Новое лит. обозрение. 2006. № 6 (82). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/perevody-proizvedenij-stanislava-lema-na-russkij-yazyk-1955-8212-1986.html> (дата обращения: 26.07.2019).

Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман : поэтика жанра. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2017. 292 с.

Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высш. шк., 2008. 484 с.

Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в сфере научной фантастики: общественно-политический дискурс и практическая деятельность, 1950-е – начало 1980-х гг. : дис. ... докт. ист. наук. Иваново : [Б. и.], 2015. 415 с.

Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое лит. обозрение. 2007. № 88. С. 169–201.

Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах коммунистического интернационала 19 июля // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 41. С. 215–255.

Липовецкий М. Еще раз о комплексе прогрессора // Неприкосновенный запас. 2015. № 1 (99). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/131.html> (дата обращения: 07.09.2018).

Сапарин В. Забытый Полдень / сост. А. Лапудев. М.: Паровая типолит. А. А. Лапудева, 2014. 462 с.

Славникова О. Исая Давыдов (интервью) // Книжный клуб (Екатеринбург). 1998. № 12 (78). Март. С. 1–3 // История фэндома : [сайт]. URL: http://www.fandom.ru/inter/davydobi_1.htm (дата обращения: 07.09.2018).

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Возвращение; Полдень, XXII век; Попытка к бегству. Екатеринбург : Конвер, 1992. 400 с.

Толстой А. Н. Аэлига; Гиперболоид инженера Гарина. М. : Правда, 1986. 448 с.

Фокин А. А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика : колл. моногр. / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2015. С. 323–334.

Эткинд А. Внутренняя колонизация : Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 448 с.

Buettner E. Europe after Empire. Decolonization, Society, and Culture. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. XII + 551 p.

Fieldhouse D. K. The Colonial Empires : A Comparative Survey from the Eighteenth Century. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1966. XIV + 450 p.

Gomel E. Gods like Men : Soviet Science Fiction and the Utopian Self // Science Fiction Studies. Vol. 31. 2004. No. 3. Soviet Science Fiction: The Thaw and After. P. 358–377.

Rieder J. Colonialism and the Emergence of Science Fiction. Middletown, CT : Wesleyan Univ. Press, 2008. 200 p.

Sargent L. T. Colonial Utopias/Dystopias // The Oxford History of the Novel in English : in 12 Vols. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. Vol. 9. The World Novel in English to 1950 / ed. by R. Crane, J. Stafford, M. Williams. P. 300–312.

The Cambridge Companion to Postcolonial Travel Writing / ed. by R. Clarke. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. 252 p.

References

- Bogdanov, K. A. (2009). *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoi kul'tury* [Vox Populi: Folklore Genres of Soviet Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.
- Breeva, T. N. (2015). Dekonstruksiya utopicheskogo diskursa v tsikle proizvedenii brat'ev Strugatskikh "Mir Poludnya" [Deconstruction of Utopian Discourse in the Strugatsky Brothers' Cycle *The Noon World*]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. No. 1 (136), pp. 226–235.
- Britikov, A. F. (1970). *Russkii sovetskii nauchno-fantasticheskii roman* [The Russian Soviet Science Fiction Novel] / ed. by E. P. Brandis. Leningrad, Nauka. 447 p.
- Buettner, E. (2016). *Europe after Empire. Decolonization, Society, and Culture*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XII + 551 pp.
- Clarke, R. (Eds.). (2018). *The Cambridge Companion to Postcolonial Travel Writing*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 252 pp.
- Davydov, I. (1973). *Ya vernus' cherez tysyachu let* [I Will Be Back in a Thousand Years]. Sverdlovsk, Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 256 p.
- Davydov, I. (2013). *Ya vernus' cherez 1000 let. Kniga 3* [I Will Be Back in a Thousand Years. Part 3]. Yekaterinburg, Aelita. 203 p. In *LitRes* [website]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7267497 (mode of access: 07.09.2018).
- Dushenko, K. V. (2006). Perevody proizvedenii Stanislava Lema na russkii yazyk (1955–1986) [Translations of S. Lem's Novels into Russian (1955–1986)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 6 (82). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/perevody-proizvedenij-stanislava-lema-na-russkij-yazyk-1955-8212-1986.html> (mode of access: 26.07.2019).
- Etkind, A. (2013). *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonisation. Russia's Imperial Experience] / transl. by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p.
- Fieldhouse, D. K. (1966). *The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. L., Weidenfeld and Nicolson. XIV + 450 pp.
- Fokin, A. A. (2015). V ozhidanii "svetlogo budushchego": sovetskaya literatura perioda "otpepli" [Waiting for the "Bright Future": Soviet Literature of the "Thaw"]. In Kruglova, T. A. (Ed.). *Politizatsiya polya iskusstva: istoricheskie versii, teoreticheskie podkhody, esteticheskaya spetsifika* [Politicisation of the Field of Art: Historical Versions, Theoretical Approaches, Aesthetic Specificity]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, pp. 323–334.
- Gomel, E. (2004). Gods like Men: Soviet Science Fiction and the Utopian. In *Science Fiction Studies*. Vol. 31. No. 3. Soviet Science Fiction: The Thaw and After, pp. 358–377.
- Heller, L. (1985). *Vselennaya za predelami dogmy: Razmyshleniya o sovetskoi fantastike* [The Universe beyond Dogma: Reflections on Soviet Fiction]. L., Overseas Publ. Interchange Ltd. 444 p.
- Komissarov, V. V. (2015). *Sovetskaya intelligentsiya v sfere nauchnoi fantastiki: obshchestvenno-politicheskii diskurs i prakticheskaya deyatel'nost', 1950-e – nachalo 1980-kh gg.* [The Soviet Intelligentsia in the Field of Science Fiction: Social and Political Discourse and Practical Activities, 1950s – Early 1980s]. Diss. ... doktora istoricheskikh nauk. Ivanovo, S. n. 415 p.
- Kovtun, E. N. (2008). *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka* [Literary Fiction in 20th-Century Literature]. Moscow, Vysshaya shkola. 484 p.
- Koz'mina, E. Yu. (2017). *Fantasticheskii avantyrno-istoricheskii roman: poetika zhanra* [Science Fiction Adventure and the Historical Novel: Poetics of the Genre]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 292 p.
- Kukulin, I. (2007). Al'ternativnoe sotsial'noe proektirovanie v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoi Rossii ne prizhilis' levye politicheskie praktiki [Alternative Social Project Planning in the Soviet Society of the 1960s–1970s, or Why Left-Wing Political Practices Did Not Take Root in Modern Russia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 88, pp. 169–201.
- Lenin, V. I. (1986). Doklad o mezhdunarodnom polozhenii i osnovnykh zadachakh kommunisticheskogo internatsionala 19 iyulya [Report on the International Situation and

the Main Tasks of the Communist International on 19 July]. In Lenin, V. I. *Polnoye sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Politizdat. Vol. 41, pp. 215–255.

Lipovetskii, M. (2015). Eshche raz o komplekse progressora [Once Again about the Progressor Complex]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 1 (99). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/131.html> (mode of access: 07.09.2018).

Rieder, J. (2008). *Colonialism and the Emergence of Science Fiction*. Middletown, CT, Wesleyan Univ. Press. 200 p.

Saparin, V. (2014). *Zabytyi Polden'* [The Forgotten Noon] / ed. by A. Lapudev. Moscow, Parovaya tipolitografiya A. A. Lapudeva. 462 p.

Sargent, L. T. (2018). Colonial Utopias/Dystopias. In Crane, R., Stafford, J., Williams, M. (Eds.). *The Oxford History of the Novel in English*. 12 Vols. Oxford, Oxford Univ. Press. Vol. 9. The World Novel in English to 1950, pp. 300–312.

Slavnikova, O. (1998). Isai Davydov (interv'yu) [Isai Davydov (interview)]. In *Knizhnyi klub (Yekaterinburg)*. No. 12 (78). March, pp. 1–3. In *Istoria fendoma* [website]. URL: http://www.fandom.ru/inter/davydobi_1.htm (mode of access: 07.09.2018).

Strugatsky, A. N., Strugatsky, B. N. (1992). *Vozvrashchenie; Polden', XXII vek; Popytka k begstvu* [Return; Noon: 22nd Century; Escape Attempt]. Yekaterinburg, Konver. 400 p.

Tolstoy, A. N. (1986). *Aelita; Giperboloid inzhenera Garina* [Aelita; The Garin Death Ray]. Moscow, Pravda. 448 p.

The article was submitted on 18.11.2018